

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов. "Дело славистов". 30-е годы. М., Изд-во "Наследие". 1994. 286 с.

История науки — это создание теорий, напряженная, часто мучительная проверка их истинности, становление новых концепций, новых методов исследования. Это, как было когда-то сказано, драма идей. Но вместе с этим история науки — драма (часто — трагедия) людей. Истории науки принадлежат не только мысли Коперника, но и судьбы Галилея и Джордано Бруно.

Трагедия науки и людей науки возникает тогда, когда она оказывается в плену. В плену антинауки: инквизиции (не обязательно средневековой), массовой невежественности, партийной тупости, идеологической одержимости. Трагичны страницы русской науки во время ее великого пленения "единственно правильной идеологией". Книга Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатов раскрывает трагедию лингвистики в советской России. Каждое слово — достоверно, проверено, документально обосновано. Тон книги серьезный, сдержанный, без подчеркивания эмоций (эмоции авторы оставили на долю читателя). Иногда мелькнет искра иронии, сарказма, возмущения издевательствами над людьми, когда этого возмущения нельзя было сдерживать. Объективный тон рассказа позволяет авторам создать образы людей, их смелой и упорной стойкости, достоинства, преданности науке, умения не сломиться в трагических обстоятельствах. Относительно других, тех, кто не выдержал натиска следствия, тоже сказано сдержанно, в достойном тоне. Об одном из откровенных подследственных сказано так: "Не надо только ставить ему в вину его грех, своей трагической судьбой он с лихвой искупил ее" (57)¹.

Две противоположные мысли возникают у читателя книги. Первая: брали и уничто-

жали кого попало, лишь бы дать контрольную цифру. В создании "Российской национальной партии" обвинили и выдающихся ученых, и простых служащих, не связанных с наукой, и девочку 18 лет... Всех связали лживым обвинением. Но вразрез с этой мыслью возникает другая: конечно, были и контрольные цифры, но был и целенаправленный отбор. Им нужно было уничтожить самый верх науки, наиболее талантливых, наиболее влиятельных ее создателей. Судили и уничтожили блестящих языковедов-русистов Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинского, П.А. Бузука (украиновед, славист, специалист по общей теории языка). Долго мучили М.Н. Сперанского, В.И. Перетца, В.В. Виноградова, В.Н. Сидорова, А.М. Селищева. Судя по документам, предполагали захватить в свои сети Р.И. Аванесова (80), Л.А. Булаховского (80), С.П. Обнорского (80), М.Н. Петерсона (80), Д.Н. Ушакова (77, 157). Но их "версии не стали развивать" (80)... Разве этот перечень не охватывает как раз наиболее значительных ученых-специалистов по русистике?

О том, что отбор у "инстанций" был всегда чутко направлен против наиболее талантливых, говорит кампания 1948 года. Генетику погромили; появился аппетит так же урезонить другие науки. В лингвистике главным "забойщиком" был Ф.П. Филин². По его предложению президиум Академии наук СССР принял решение: запретить преподавание Р.И. Аванесову, В.В. Виногра-

² О роли Ф.П. Филина в погроме лингвистики в 1948 г. см. работу В.М. Алпатов [Алпатов 1991: 148—149]. Назвав лингвистов, которые подверглись преследованиям, автор замечает: "Филину не откажешь во вкусе: он не задел ни одного малоизвестного ученого" [Алпатов 1991: 148]. См. также рецензируемую книгу, с. 164, 179.

¹ В скобках указаны страницы книги.

дову, П.С. Кузнецову, М.Н. Петерсону, А.А. Реформатскому, В.Н. Сидорову. Снова безошибочный отбор.

Знакомая в книге Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова с ходом следствия по делу "Российской национальной партии", мы опускаемся, круг за кругом, в "мир наоборот", в мир антилогики. Интересно читать у Замятина и Оруэлла про этот мир. Читатель понимает, что в художественном произведении есть место выдумке, гиперболе. Документы, собранные и сопоставленные друг с другом в книге Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова, показывают ужас мира не выдуманного, а подлинного.

Обвиняемые должны выдумать преступную партию, которой не существовало, выдумать свои роли (шпиона, диверсанта, контрреволюционного агитатора, вредителя, вербовщика в антисоветские агенты), выдумать свои преступные действия. Само название партии стало делом их вынужденной активности. Н.Н. Дурново пишет: "Название партии я долго не мог придумать, поэтому его нет ни в январских, ни в февральских показаниях, и оно появляется только в марте" (108).

Как материал для обвинений в документах следствия появлялись такие характеристики: "из старой дворянской семьи", "бывший книгоиздатель", "по происхождению чех" (60).

Филолог-украинистка признает: "Вела антисоветскую линию", которая заключалась в том, что она в своих книгах не сближала нормы украинского языка с нормами русского языка (146). После таких признаний не кажется странным, что Д.И. Хармс на допросе признал контрреволюционным свое стихотворение для детей "Миллион"³ [Хармс 1994: 292].

Главным преступлением П.И. Нерадовского, искусствоведа, работника (одно время — директора) Русского музея, "было создание в 1922 г. и сохранение вплоть до дня ареста экспозиции залов, посвященных русскому искусству дореволюционного периода, которая, как сказано в деле, "тенденциозно подчеркивала мощь и красоту старого дореволюционного строя и величайшие достижения искусства этого строя" (37). В прошении о реабилитации П.И. Нерадовский писал: «Даже экспозиция памятников искусства XVIII века вменялась мне в вину, как "прославление дворянства",

как будто я мог переделывать памятники этой эпохи» (209).

В этом мире наоборот действует презумпция виновности: если человек чего-нибудь не делал, не говорил, не думал, но не может доказать это "не", то считается, что он именно это делал, говорил и преступно думал. Дурново уже после осуждения объясняет, почему, он оговорил себя на следствии: "Так как я не могу доказать, что мои связи с эмигрантскими и чехословацкими политическими деятелями носили именно тот характер... какой они действительно имели! [т.е. неполитический], то у прокуратуры... не может быть полной уверенности в их правдивости" (117). Авторы книги замечают: «Ученому и в голову не приходит понятие презумпции невиновности, в показаниях он находит даже нормальным то, что "преступный характер связей с зарубежными и эмигрантскими кругами" должны доказывать следователи» (118—119). Такая мысль не приходит в голову Дурново потому, что в том мире, в какой он попал, такой мысли не существовало; господствовало ее "обратное" извращение.

Мир за решеткой подчинялся своим законам — "законам наоборот". Категоричность этих законов поддерживалась тем, что и вне решетки тоже господствовал мир наоборот — и хотя многие люди его не принимали, им приходилось об этом молчать: иначе грозила решетка.

Так, Н.Я. Марр, классик марксистского языкознания до июня 1950 года, писал, что "по пластам некоторых стадий" русский язык ближе грузинскому, чем любому славянскому (93). Возможно, был расчет, что вождо это понравится.

Движение декабристов истолковывалось так: в начале XIX века в Европе поднялись цены на хлеб; помещикам стал невыгоден малопроизводительный труд крепостных, они превратились в сторонников наемного труда, отсюда их свободолюбие. Но в середине 20-х годов цены на хлеб упали, отсюда — неудача декабристского восстания. Пушкин от свободолюбивых стихов перешел к охранительным. Эта концепция М.Н. Покровского вошла в обязательную школьную программу, ее изучали дети в 7 классе.

Другая официальная точка зрения: все писатели представляют классовые интересы. Л.Н. Толстой выражает взгляды патриархального крестьянства. Пушкин — среднепоместного капитализирующего дворянства, Гоголь — мелкопоместного консервативного дворянства... Идеологам не

³ Допрашивал Хармса в 1931 году тот же чиновник ОГПУ, который впоследствии участвовал в фабрикация дела "Русской национальной партии".

приходил в голову вопрос: почему же Пушкина, Гоголя, Толстого читают и любят тысячи непатриархальных некрестянь? Эта мысль не была в числе указанных и спущенных вниз. (Потом ее спустили: классики оказались народными "выразителями" и тем самым предшественниками "великой партии".)

Своеобразны были приемы дискуссии. В одном научном учреждении некий общественник-активист (притом дипломированный ученый) критиковал В.В. Виноградова за его взгляды, выходящие за пределы дозволенного, и рекомендовал "ударить Виноградова по кумполу" (180). "Дать по кумполу" (уволить с работы, арестовать, выслать и т.д.) — это был очень ходовой полемический прием. Действовал безотказно.

Этот свободный мир навыворот рождал у обвиняемых чувство безысходности. Они понимали, что обращение к логике, к здравому смыслу, доказательствам совершенно бесполезно: они не имеют цены в мире наоборот. Вот почему они признавались во всем, что было угодно следствию: из чувства полной безысходности. Антилогика за решеткой была поддержана антилогикой вне решетки.

Психология обвиняемого "органами" убедительно раскрыта в объяснении Г.А. Бонч-Осмоловского (63—68). Это — описание психического состояния автора, антрополога, ни в чем невинного, но "завербованного" советской охранкой в члены "Российской национальной партии". Убедительно показано, как, не применяя в прямом смысле пыток, человека заставили сломиться.

Другая причина, почему они признавались — приемы ведения следствия. Пыток в прямом смысле слова в начале 30-х годов обычно, видимо, не применяли. Требовали признаться, запугивали, проводили очные ставки с людьми, уже потерявшими себя. "Если человек продолжал стоять на своем, процедура могла повторяться несколько раз и следователи угрожали револьвером. В результате подследственный приходил в невменяемое состояние. Участники данного дела впоследствии вспоминали, что они сходили с ума, думали о самоубийстве, им казалось, что следователи их гипнотизируют. В такой ситуации хотелось одного: чтобы этот кошмар как можно скорее кончился. Ради этого подписывали самые нелепые показания" (53). «И даже в этой ситуации, — продолжают авторы, — несколько человек, арестованных по делу "Российской национальной партии", сумели

все выдержать и не признать себя виновными» (53).

Пытки не применялись? "В.Н. Сидоров еще до ареста страдал туберкулезом коленного сустава. Его состояние во время следствия, где его нарочно заставляли часами стоять на допросах, было крайне тяжелым" (121). Значит, неверно, что пытки не применялись. Просто набор разрешенных пыток был еще не так широк, как впоследствии.

"Мы вовсе не заинтересованы в вашем осуждении. Ведь не с головы же мы получаем!" — говорил следователь одному из обвиняемых (65). Именно с головы! "Не добирай меня сотым до сотни!" — просил Б.Л. Пастернак, обращаясь к эпохе. Но именно все время добирали сотым до сотни, тысячным до тысячи, миллионным до миллиона! Набирают "двадцатипяти тысячников" — отправляют в деревню, делать колхозы. Набирают "добровольцев" на ударную стройку (не специалистов, нужных стройке, а любых, на кого направлен указующий перст). "Ленинский набор" — набирают в партию, после смерти Ленина, чтобы получать установленные сверху контрольные цифры. Набирают "врагов народа", чтобы обеспечить рабочей силой стройки ГУЛага. И просто набирают "разоблаченных" и осужденных, чтобы заслужить одобрение ЦК партии.

Конечно, здесь не до логики. Н.Н. Дурново, в своей исповеди, написанной уже после осуждения, хочет объяснить, почему на следствии он принужден был прибегнуть к самооговору. "Мои показания следователю, — пишет Н.Н. Дурново, — вызваны отчасти моим болезненным состоянием..." Далее он приводит другие причины своего самооговора. "Ввиду всего этого, боясь, что отрицание политического характера моей поездки в Чехословакию, Вену и Югославию и моей дальнейшей политической активности только затянет следствие..., я решил признать и то, и другое. Признание моей политической активности вело к признанию моего участия в политической организации. В качестве такой организации я мог назвать только кружок лиц, бывавших у акад. Сперанского и проф. Ильинского, так как у меня лично никто не собирался" (109). Из посылки (ложной посылки, вымученной следователем) логично вытекают все следствия. Но в мире антилогик сама логика становится предательницей. "В моих показаниях, — пишет Н.Н. Дурново, — говорится, что собрание, на котором было решено организовать партию для борьбы с Советской властью, было назначено в

понедельник и в этот день состоялось. Это явная несообразность, так как на понедельник никто не приглашался, приходил кто хотел, и всегда мог прийти человек, присутствие которого на конспиративном собрании было бы нежелательно. В действительности такого собрания не было" (116). "Так как"! Причинно-следственная связь! Да не нужна она в мире наоборот...

Центральная часть книги Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова — публикация документа, который авторы условно, но удачно назвали "Исповедь" Н.Н. Дурново. Это — обширный текст (108—118), глубоко освещающий взгляды и переживания Дурново. Он решил говорить правду и только правду. Даже если она свидетельствует против него (в глазах официозов) и может ухудшить его участь. Он, например, прямо заявляет об отрицательном отношении к советской власти. Он говорит что в евразийской концепции Н.С. Трубецкого принимает только ее критическую часть, то есть, по официальной терминологии, антисоветскую.

По своей исторической ценности "Исповедь" стоит так же высоко, как письмо, Д.И. Ушакова Сталину, опубликованное Ф.Д. Ашниным⁴ [Ушаков 1990: 287—290].

"Исповедь" Н.Н. Дурново — это послание заключенному. Кому послание? На Соловки приехал прокурорский чин, с задачей — контролировать. Заключенному Дурново позволили написать объяснительную записку. Он написал многостраничную исповедь, заявляя, что не требует пересмотра дела. Он хочет, чтобы ему дали работать. Авторы книги заключают: "Видно, как хотел выговориться человек, уже третий месяц томящийся в одиночной камере..." (118). Думаю, что надо говорить не о словоохотливости Дурново; его исповедь направлена не прокурорскому чину, — она обращена в века, как голос свободного человеческого

духа, с надеждой, что она достигнет когда-нибудь непостижимого читателя. Чувство достоинства и верность своим убеждениям — вот содержание этой исповеди. Мнение о евразийской теории Н.С. Трубецкого; высокая оценка своих современников-русистов, причем как раз нелюбимых "органом" — Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона (о последнем Дурново пишет: "Он самый талантливый из моих учеников"); собственные политические взгляды; характеристики ученых — обеляющие их... Многое вместили в себя страницы его исповеди.

В Соловках, в одиночной камере, Дурново продолжает напряженную научную деятельность. Он написал "Граматику сербохорватского языка", передал рукопись начальству, для пересылки домой. "Попытки разыскать рукопись, представляющую значительный научный интерес, пока не дали результатов" (125). Его письма домой полны просьбами прислать книги из его библиотеки, нужные ему для научной работы. "...Несмотря на ужасные условия жизни и надвигающуюся слепоту Н.Н. Дурново все-таки старался не терять времени и работать! На Соловках, где в это время еще сохранялись традиции лагеря 20-х гг., это все еще было возможно... В более новых лагерях... какая-нибудь научная работа уже была невозможна" (125).

Значит, в мире наоборот были люди, для которых этот мир был неприемлем. Авторы рисуют мощный характер А.М. Селищева, другого подвижника науки; он не был сломлен допросами и не признал себя виновным. К счастью, он смог, "по отбытии срока", продолжить свою научную работу, осуществить свою неистовую преданность науке... А Н.Н. Дурново, без предъявления новых обвинений, был в 1937 году расстрелян. Тогда же погиб Г.А. Ильинский и много других заключенных⁵.

В книге Ашнина—Алпатова говорится о всех, обвиняемых по делу "Российской национальной партии"⁶, естественно, больше всего внимание авторов привлекли люди, много сделавшие для науки. Но для человеческой совести не менее горьки и

⁴ Он пишет: "Пусть... возьмут у В.Н. Сидорова... мои книги и из них пришлют мне корректурный экземпляр моего "Повторительного курса грамматики русского языка", выпуск 1, изд. 2-е" (124). Авторы книги констатируют: "Издание не осуществилось". Но корректурный экземпляр сохранялся в библиотеке Сидорова. В 1964 году Владимир Николаевич подарил его мне. В хрущевскую оттепель возникла надежда на издание этой книги; впрочем, реальных возможностей, как выяснилось, не было. В настоящее время книга находится в моей библиотеке; когда-нибудь она будет издана. Во втором издании (существующем в одном корректурном экземпляре) много теоретически важных дополнений.

⁵ "Пик репрессий 1937—1938 гг. совпал с решением по стратегическим соображениям ликвидировать старейшие Соловецкие лагеря... Поэтому в конце 1937 г. шла массовая ликвидация заключенных... Уничтожили тысячи людей..." (136).

⁶ Г.Г. Шпета в 1937 г. не беспокоили новыми допросами. Кто-то из гешеппников написал "его" новые чудовищные признания. Результат — расстрел. [Поливанов 1990: 160—164].

тяжки те немногие строки, которые посвящены незнаменитым узникам. Варвара Трубецкая, девушка 18 лет, арестована ни за что (как и все ее "однодельцы"); ее сослали, а в 21 год расстреляли. У верующих людей есть такие слова, которые ничем нельзя заменить: созданье Божье. Каждый человек. Когда человека убивают за то, что он созданье Божье, — это невозможно простить. Никогда. И не будет прощено⁷.

С чем имя Дурново уходит в историю, в вечность? Навсегда вошли в культуру России его научные труды.

Он (вместе с Д.Н. Ушаковым) определил многообразнейшие системы русских диалектов, со сложными позиционными взаимодействиями звуков (в некоторых говорах с диссимилятивным яканьем появление определенного гласного обусловлено пятью-шестью позиционными условиями). Впервые, при охвате огромного материала, главным объектом исследования стали позиционные чередования. Это — центральная тема в трудах Московской (Фортунатовской) лингвистической школы.

Он на основе анализа позиционных фонетических данных и типов грамматических систем создал строгую классификацию русских говоров — и показал (опять-таки вместе с Д.Н. Ушаковым) эти звенья русского языка на карте, теоретически выявленные типы четко "прикрепил" к местности.

Он впервые дал монографическое описание говора одного села (Парфенки, бывшее его поместье), и это позволило выяснить такие отношения между речевыми явлениями, которые ускользают от внимания при глобальном, многоохватном описании говоров.

Его история русского языка — исследование о том, как одно языковое состояние (в области фонетики и грамматики) порождает другое языковое состояние, как одни

синхронные отношения перетекают в другие, создавая непрерывную жизнь языка.

В грамматических трудах "Повторительный курс грамматики русского языка", выпуски I и II, "Грамматический словарь") Дурново поддерживал, совершенствовал, перестраивал грамматическое учение Ф.Ф. Фортунатова, усиливая в нем наиболее ценную идею: язык есть отношение.

Перечень научных ценностей, созданных Н.Н. Дурново, можно продолжить. Но и сказанного достаточно для вывода: Дурново — величественная глава в истории русской филологии. Теперь мы можем назвать и еще одно высокое творение Н.Н. Дурново — этическое: его исповедь. Ей тоже не суждено забвение.

Есть еще один образ необыкновенной светлоты, нарисованный в книге; о нем сказано немного, он не был жертвой охраны... Д.Н. Ушаков. Отбыв срок, А.М. Селищев возвращается в Москву. Репрессированный работу найти не может. Помощь нашел у Д.Н. Ушакова. «Ученый иного поколения и иной научной школы, но всегда высоко ценивший Селищева... Д.Н. Ушаков решает помочь опальному коллеге, не думая о возможных для себя последствиях. Имя Ушакова не раз фигурировало во время следствия по делу "Российская национальная партия" и попало в список лиц, материалы по которым выделены в отдельное производство» (157). А.М. Селищев нашел пристанище на кафедре Д.Н. Ушакова. Так же у Д.Н. Ушакова нашел работу другой каторжанин — В.Н. Сидоров. Напомним, что В.В. Виноградова опять-таки Ушаков привлек к работе над "Толковым словарем русского языка". Да, любовь к человеку, смелая и самоотверженная. И к науке.

Какой-нибудь посторонний и нелюбпытный наблюдатель может удивиться, что 20—30-е гг., годы страданий для миллионов людей, были временем высокого подъема русской культуры — искусства и науки. Продолжалось мощное движение, начавшееся еще в девятисотые годы. Поэзия, художественная проза, музыка, театр, филология переживали расцвет.

Обусловленный не политической обстановкой, а саморазвитием, самодвижением духовных сил человека, автономией его духа. В поэзии работали: А. Ахматова, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Нарбут, М. Волошин, Н. Клюев, С. Клычков, С. Есенин, В. Маяковский, Н. Асеев, Б. Пастернак, Д. Петровский, С. Маршак, К. Чуковский, А. Пиотровский (его гениальные переводы Эсхила и Аристофана — значительный вклад в русскую поэзию),

⁷ Ее убили за одну фразу: будто бы после смерти Кирова она сказала, что не пожалела бы и вождя. Если она действительно это сказала, то мнение ее не было одиноким. В середине 30-х годов в подмосковных деревнях пели: *Ерлан летит, Крыло приставлено. Убили Кирова, а надо Сталина*. В эти годы в Подмосковье ходил ряд свирепых частушек с общим зачином: *Ерлан летит, Крыло припаяно... Ерлан летит, Крыло приварено... Ерлан летит, Крыло приклеено...* В рифме было имя собственное (включая Каина). Пели эти частушки с опаской, среди своих. Я (школьник) записывал подмосковный фольклор, услышал эти частушки... и записал их? Нет. Запомнил.

Н. Тихонов, В. Луговской, К. Вагинов, Д. Хармс, Н. Заболоцкий, П. Васильев, Б. Корнилов, К. Некрасова, Д. Кедрин, С. Липкин (перевод калмыцкого эпоса "Джангар")... Это еще далеко не полный перечень. И только внутри страны советов. Перечень имен показывает, какая им выпала судьба: одним положен был физический предел, другим суждена немота (творчество продолжалось, но выход к читателю был невозможен), третьим внушена была бездарность: мощное начало и бесславное завершение... Немногие избежали печальных исходов.

Ряд замечательных филологов, работавших в 20—30-е гг., не менее замечателен и богат именами. Предоставляем читателю самому вспомнить их. И судьбы были такими же. Но талант, чувство долга, вера в родную культуру давали им силы для работы. Ведь это важно: смерч прошел не по пустыне, а по плодоносным садам и нивам. Это был пир во время чумы — но именно пир. Мы должны тем, кто тогда работал.

В книге есть тщательно составленный именной указатель (составитель — С.А. Крылов). Он очень помогает пользоваться книгой. Все же есть "недоумения". Почему Пушкин Борис Сергеевич, архивист,

по алфавиту идет раньше Пушкина Александра Сергеевича, писателя? И странна квалификация: Сталин — "вождь Советского государства"... Разве есть такое амплуа — "вождь государства"?

Много труда вложили авторы в эту книгу. Ф.Д. Ашнин начал собирать документальную основу книги тогда, когда доступ к архивам был очень трудным. Работе в архивах, преодолевая препятствия, он отдал годы. Вместе с В.М. Алпатовым он написал очень нужную книгу. Многие, многие страницы ее читать больно. И все же она не вызывает чувство отчаяния или беспомощности. Сам выход в свет этой книги — знак того, что справедливость побеждает. В конце концов. К сожалению, часто — не скоро.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов М.В.* 1991 — История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
Поливанов М.К. 1990 — О судьбе Г.Г. Шпета // ВФ. 1990. № 6.
Хармс Даниил. 1994 — Сочинения. Т. II. М., 1994.
Ушаков Д.Н. 1990 — Неизвестное письмо // Язык: система и подсистемы. М., 1990.

М.В. Панов